

ЧЕКИСТА ПОЗВАЛИ В НУЖНОЕ ВРЕМЯ

Путин как «новый Андропов»¹

Решения, имеющие колоссальные исторические последствия, довольно часто бывают продиктованы очень мелкими личными и групповыми соображениями. Сейчас, мне думается, совершенно ясно, что «судьбоносный» план новой войны на Северном Кавказе принимался президентом и его близкими вместе с решением о замене «мягкого» Степашина «жестким» Путиным. Это было одно-единое решение, один план. И истинная цель его была одна — победа над, казалось, неудержимо идущим вперед и страшным для «семьи» примаковско-лужковским блоком.

Что могла противопоставить «семья» наступлению Примакова— Лужкова? Только нечто экстраординарное, путающее все карты, заставляющее людей забыть о президенте, об экономике, о скандалах с «отмытыми миллиардами», о замке в Германии, о счетах в Швейцарии и т. д. Только какой-то особенно сильный шок мог заставить народ полюбить доселе неизвестного человека, которого объявил своим преемником нелюбимый президент.

Роль Чечни в этом проекте «передачи власти» достаточно ясна. Нас сейчас интересует другое. Случайно ли, что для проведения чеченской операции и в качестве спасителя «семьи» был выбран человек из КГБ? Мне кажется, что не совсем случайно.

Любая профессия, любая профессиональная среда порождают свою субкультуру, свою систему ценностей, свою «идеологию». Профессия «кагэбэшника» — весьма специфическая, очень своеобразной должна быть и «субкультура» КГБ, судить о которой мы можем, разумеется, только по косвенным признакам.

Условия профессиональной деятельности требуют от работника спецслужбы навыков, характерных для профессиональной уголовщины, мафии (я пишу это отнюдь не для оскорбления кого бы то ни было, в моем понимании «мафиози» — не синоним слова «негодяи»). В самом деле, чем занимаются спецслужбы? Подслушивают, подсматривают, запугивают, шантажируют, воруют и иногда — убивают, то есть тем же самым, что делают «мафиози». Это как бы мафия, поставленная на службу высшим государственным целям. При таком сходстве занятий не может не быть и некоторого сходства в психологии, в мировоззренческих установках. И в КГБ, и в других спецслужбах несомненно оказывались люди, которые только случайно не становились «мафиози», и, наоборот, в криминальном сообществе много людей, из которых вышли бы отменные чекисты. Это, между прочим, прекрасно видно по мемуарам Коржакова, где рассказывается, как парнишка из московской дворовой шпаны случайно оказывается в КГБ, что практически не отражается на его психологии и системе ценностей.

Спецслужбы всегда и всюду стремятся к тому, чтобы их влияние было как можно больше, а контроль за ними — как можно слабее, то есть хотят превратиться просто в мафию, самостоятельно устанавливающую себе цели и задачи. Это всеобщая черта спецслужб, постоянно и везде имеющих тенденцию к переходу грани, за которой начинается банальная уголовщина, лишенная каких-либо «высших» оправданий. Но очевидно, что в России в постсоветский период эта тенденция проявляется особенно сильно.

КГБ в нашей советской системе отнюдь не был самой реакционной частью государственного аппарата. Знающие подноготную партийной элиты и по долгу службы обязанные читать всякую антисоветчину и изучать Запад, чекисты не могли быть особо ортодоксальными коммунистами. И не случайно именно это ведомство породило две, правда, «абортивные», попытки советских реформ — бериевскую и андроповскую. Очевидно, что люди, выполняющие самую грязную часть работы по охране режима, в идеологию которого они не верили, испытывали огромные психологические перегрузки. Подспудная тенденция к криминализации у них должна была быть особенно сильной, а защитные механизмы против полного морального распада — весьма своеобразными.

После гибели советской власти спецслужбы остались без строгого надзора и ясных ориентиров. С крахом официальной идеологии исчезли диссиденты, дематериализовался образ внешнего врага, а с организованной преступностью спецслужбам разрешили бороться, не трогая высокопоставленных «организаторов». В этих условиях они сами начинают искать себе цели и ставить задачи, спрятанная, подконтрольная «мафиозность» выходит на поверхность. Тот же Коржаков может спокойно, не оскорбляясь за свою профессию, выслушивать просьбы знакомого бизнесмена «убрать» его конкурента. Понятно, что для бизнесмена спецслужба — просто одна из мафий, и генерал госбезопасности даже не пытается его переубедить. Поэтому знаменитая фраза нашего премьера о «замачивании в сортире», фраза явно не подготовленная, вырвавшаяся из глубин души и показывающая, что в этой душе происходит, на каком языке премьер думает, совершенно не случайна в устах представителя постсоветской спецслужбы. Так не сказал бы ни армейский генерал, ни Андропов или Крючков, руководители КГБ советской эпохи.

Но тенденция к мафиозности не означает, что у работников спецслужб нет своей системы ценностей. Более того, у людей в такой сложной психологической и моральной ситуации должны быть какие-то очень сильные ценности, предохраняющие их от деградации личности. Первая из таких ценностей — это, безусловно, профессионализм. В силу связанных с данной профессией моральных проблем эта ценность должна выходить на первый план и приобретать самодовлеющее значение. Вопрос о том, профессионально или нет, хорошо или плохо выполнено задание, должен быть более важен, чем вопрос о том, хорошо или плохо само задание. Путин, несомненно, профессионал и горд своими профессиональными успехами: ему было дано труднейшее, почти невыполнимое задание, он, не рассуждая, за него взялся и успешно выполняет.

Вторая по значимости ценность — «порядок». Не «закон и порядок», а просто «порядок». Отношение к закону у работника спецслужб скорее «ироническое». Его деятельность проходит в громадной мере вне рамок права, закон для него довольно часто — только помеха. Именно таково отношение к закону и у нашего премьера. Его явно не интересуют правовые аспекты чеченской операции — кто там легитимен, кто — нелегитимен, как соответствует Конституции операция в Чечне, какой договор заключали Ельцин и Масхадов... Если нужно — он выпускает из тюрьмы уголовника Гантамирова и вполне может сделать его главой марионеточного правительства. Но если идея законности может вызвать у премьера лишь усмешку, то идея дисциплины, порядка — нет. Путин подчеркнута дисциплинирован, и его первая шуточная фраза в качестве премьера, обращенная к министрам, была: «Всем оставаться на местах».

Наряду с ценностями профессионализма и порядка, очевидно, должны быть и какие-то смутные ценности «патриотизма» и «государственности», которые недавно премьер и озвучил, сказав о патриотизме как основе национальной идеологии. При всей своей неопределенности идеи «порядка» и

«государственности» обладают большой эмоциональной силой. Многие работники КГБ, не очень-то верившие в догмы коммунистической идеологии, могли успокаивать свою совесть тем, что борясь с диссидентами, они борются с людьми, которые подрывают порядок и ослабляют государство.

Безусловно, только человек с такими ценностными ориентациями и профессиональными навыками мог с энтузиазмом взяться за решение поставленной президентом задачи — используя Чечню как инструмент, победить Примакова и Лужкова. К этому надо добавить, что кагэбэшный генезис и работа на посту главы ФСБ гарантируют Путину поддержку со стороны большой группы профессионалов, способных именно к той работе, какая выпала премьеру. Разумеется, ФСБ — не прежний КГБ. Борьба мафиозных кланов проникла и внутрь этой организации, одни чекисты готовились «мочить» Березовского, другие — перебежали к тому же Березовскому и готовились «мочить» кого-то другого. Множество классных специалистов ушли в бизнес, в охранные структуры и разные криминальные группировки. Но перспектива получить в президенты своего человека, а вместе с ним — и всякие важные должности, настолько лучезарна, что может сплотить всех и заставить их работать действительно не за страх, а за совесть.

Наконец, есть еще один важный нюанс, делающий кандидатуру работника КГБ—ФСБ такой удачной. Это — соответствие психологии и ценностных ориентации премьера-чекиста ценностным ориентациям народа. Стремление к порядку при очень расплывчатом представлении о ценности закона, к порядку, персонифицированному в «сильном хозяине», — очень древняя и глубоко русская черта. И хотя ничего слишком уж «сталинского» большинство нашего народа не хочет, но и от демократии и беспорядка все тоже устали. В некотором роде Путин — постсоветский Андропов, Андропов без остатков коммунистического идеализма и без глобальных, хотя бы и смутных, реформаторских планов.

Тем не менее у премьера, мне кажется, есть две слабости, которые также являются следствием его кагэбэшного происхождения и могут оказаться для него роковыми.

Неизвестно, почему «семья» решила, что Путин ее «спасет и сохранит». Основания для этого у нее, несомненно, были, но разве не понятно, что к любым обязательствам премьер может отнестись с той же иронией, с какой он относится ко множеству моральных и правовых догм? Никаких абсолютных гарантий, что Путин, придя к власти, не раздавит «семью», быть не может, а значит, жесткость и эффективность премьера способны внушить «семье» страх и сожаления о неприятном ей, но компромиссном и предсказуемом Примакове. Конечно, возможности президента и его близких уже не те, что были, но убрать Путина и уничтожить его рейтинг «семья» еще вполне в силах.

Второй недостаток Путина — видимо, тоже специфически кагэбэшный. Профессионализм имеет свою оборотную сторону — «профессиональную ограниченность». Всякого, кто читал о разных операциях ЦРУ или хотя бы романы Ле-Карре, поражало несоответствие между интеллектуальными и материальными вложениями в какую-нибудь акцию и зачастую полная бессмысленность самой акции. Человеческий разум ограничен, и если для того, чтобы кого-нибудь «замочить», тратится так много ума и сил, то ясно, что их уже не хватает на размышления о том, что будет после, для чего нужно и нужно ли вообще «мочить».

Подготовка к войне в Чечне была, наверное, хорошей профессиональной работой. Но что делать с Чечней и в Чечне дальше, Путин явно не знает. Сначала он делал ставку на марионеточных депутатов, потом собрался вступить в

переговоры с полевыми командирами, не участвовавшими в нападении на Дагестан, потом вытащил из тюрьмы Гантамирова. Ясно, что за пределы данного ему задания — начать войну и вести ее так, чтобы стать популярнее Примакова, — мысль премьера не простиралась. Но когда все поставлено на одну карту, опасности могут подстергать с самых неожиданных сторон, ведь до победы и тем более урегулирования в Чечне еще очень далеко, да и государственные дела не сводятся к борьбе с террористами.

Создается впечатление, что по каким-то неясным причинам операция по подготовке «преемника» развернулась и достигла успеха чуть быстрее и раньше, чем нужно. Рейтинг у Путина уже такой, какой надо, и если бы выборы были сейчас, мы могли бы поздравить Путина и ФСБ с действительно блестящим успехом. Но за оставшееся до выборов «лишнее» время еще много чего может произойти.

Кстати:

По информации «ОГ», во вторник в здании ФСБ на Лубянке прошло заседание инициативной группы по созданию «партии Путина». На заседании обсуждался состав оргкомитета, который должен будет подготовить учредительный съезд общественно-политической организации, формируемой под президентскую кампанию Владимира Путина. Ядро будущей партии, по замыслу инициаторов, составят бывшие работники МВД, КГБ—ФСБ и отставники Вооруженных Сил. Действующим кадрам силовых структур закон запрещает участие в политических движениях, но организаторы новой партии заручились негласной поддержкой руководителей этих структур, которые, вероятнее всего, и инициировали процесс партстроительства, полагая, что Путину необходима собственная политическая база и что самое надежное плечо, на которое он может опереться, — его недавние сослуживцы.*